

И. И. СОКОЛОВ

Мариупольские греки

I. Мариупольские греки до поселения их на Украине (XV—XVIII вв.)

В группе многочисленных греческих поселений в пределах СССР, представляющих большой интерес для изучения в историческом, диалектическом и краеведческом отношениях, особое место занимают город Мариуполь и греческие села Мариупольского и Сталинского округов на Украине. Поселение греков на Мариупольщине и Сталинщине относится к 1778—1780 гг. Оно было связано с социально-экономическими условиями жизни и быта греков в Крыму, откуда состоялось их переселение на Украину, и было вызвано особыми обстоятельствами времени.

Крым — давняя колония греков. Не углубляясь в классическую эпоху¹, надлежит сказать, что уже в IV в. н. э. Таврида вошла в устойчивые культурные и административные отношения с Византийской империей, которые в последующее время развивались и крепились, сохранив свою силу и значение до половины XV в. Здесь официальным языком был — со времени Юстиниана — язык греческий, на котором сохранился и довольно большой эпиграфический материал, касающийся различных сторон местного социально-экономического быта; здесь почти всюду раздавалась греческая народно-разговорная речь, так как греческое население было господствующим в Крыму; здесь, при активном участии греков, происходили важные события общественного порядка, нашедшие яркое отражение в памятниках византийской исторической письменности. Центром экономической жизни Крыма служил город Херсон с организованною на полуострове фемою (с IX в.), которая была типичным административно-военным, податным, торговым, земельно-хозяйственным народно-общественным укладом жизни и

¹ «История Боспорского царства» в Крыму от VI в. до н. э. и по IV в. н. э., в связи с историей эллинизма, изложена акад. В. В. Латышевым в его *Почти́а*, стр. 60—128. Л., 1909.

быта на северо-восточной окраине Византии. Херсон был главным городом (полисом) Крыма, где была сосредоточена торговля между нашим Причерноморьем, с одной стороны, и Константинополем и Трапезунтом — с другой. Здесь концентрировались и книжные собрания края, школы и учителя, распространявшие греческий язык и литературу не только на полуострове, но и за пределами его. Жизнь народа в селах и деревнях, с преобладающим земельно-хозяйственным бытом, строилась на основе мелкого землевладения и общинного устройства, в противовес феодальному властельскому засилью, которое и в Крыму стало назревать в середине X в. Торжество греческой культуры было здесь настолько значительным, что вторжения в пределы Крымского полуострова различных «варварских» народов (готов, гуннов, хазар, печенегов, русских) не оказали существенного влияния ни на греческий язык, ни на основные проявления в общественном укладе трудящихся греческих масс. Когда Константинополь был завоеван четвертым крестовым ополчением (1204 г.), Херсонская область вошла в экономическое и культурное общение с Трапезунтской греческой империей и попрежнему сохраняла преобладающий греческий характер. Трудящиеся греческие массы, несмотря на последовательно сменявшиеся иностранные влияния, особенно со стороны татар (XIII в.), попрежнему хранили родной язык и находились в культурном общении с населением греческих империй как Трапезунтской, так и Никейской. После изгнания франков из Константинополя (1261 г.), общение греческого населения Крыма с Византией оживилось и возросло, особенно в области социально-экономических отношений. Этому отчасти содействовало утверждение генуэзцев в Кафе (Феодосии) и венецианцев в Сугдее (Судаке), развивших крупные торговые операции не только с Византией, но и с некоторыми западно-европейскими государствами, и оказывавших дипломатическое противодействие татарскому влиянию в Крыму. В конце XIII в. и в течение всего XIV в. византийская культура была здесь преобладающей, исконное греческое население хранило родной язык и сознание своей народности. К этому времени относится несколько актов на греческом языке, составленных в Константинополе, характеризующих социальный быт греков в округах Херсона, Готии или Готфии, Сугдеи или Сурожа, Фулл, Кафы и Боспора Таврического (Керчи) и определенно выясняющих структуру общественных здесь отношений по византийско-константинопольскому образцу.¹ Кафа и Готфия официально сохранили административно-общественное единение с Константинополем и накануне падения Византии.

¹ Miklosich et Müller. Acta p-tus Constantinopolitani, t. I, pp. 75, 76, 184 etc., t. II, pp. 42—44, 65—67, 127—133, 147—150 etc. Vindobonae.

В то же время не прекращались культурные сношения греков Крыма с малоазийским очагом эллинизма, концентрировавшимся в Трапезунте. Но в общем середина XV в. была тяжелой и смутной порой в истории греческих трудящихся масс в Крыму, вследствие осложнившихся политических отношений между генуэзцами и татарами, возникших на полуострове беспорядков и надвигавшейся на Крым грозы со стороны османских турок. Падение Константинополя в 1453 г. вызвало чувство глубокой скорби и уныния и среди крымских греков. Памятником этого служит «Плач» (θρήνος) на взятие Константинополя, который до настоящего времени сохранился в народной памяти и в минорных тонах поется греками Мариупольщины и Сталинщины в обширной редакции, отличной от зарубежных изводов этого общенародного греческого произведения и указывающей на несомненное преемство от византийской традиции.¹

После завоевания османскими турками Константинополя и Трапезунта (1461 г.) та же участь постигла и греческое население Крыма (1475 г.), который еще при султанае Магомете II² вошел в состав вассальных владений Отоманской империи на положении отдельного ханства, под управлением татарской фамилии Гераев или Гиреев. С конца XV в. и до последней четверти XVIII в. внутренние отношения в Крыму складывались и протекали под воздействием двух начал — местного татарского, стремившегося к самобытности и самостоятельности, и внешнего турецкого, стремившегося с наименьшими затруднениями сохранить здесь сюзеренную власть турецких султанов, по мотивам финансово-экономическим и политическим.³ Эта двойственность начал во внутреннем устройстве Крымского ханства неблагоприятно отражалась на финансово-экономических его отношениях и на политической судьбе, а вместе с тем создала и усилила национальную рознь в составе разноплеменного населения Крыма и подготовила классовую борьбу трудящихся масс с турецко-татарской феодально-помещичьей знатью. В частности, греки, не смотря на сравнительную свою малочисленность, никак не могли войти в тесное единение ни с правительством, ни с господствующей народностью Крыма и в течение трехвекового экономического засилья турецко-татарской феодально-помещичьей среды продолжали сохранять свою национальную самобытность и родной язык.

¹ Судьба эллинизма в Крыму в византийскую эпоху рассмотрена здесь лишь в общих чертах, так как этому вопросу посвящена специальная наша статья «Греки в Крыму в византийскую эпоху»

² Μετ' οὐ πολὺ δὲ πορευθεὶς [ὁ σουλτὰν Μεχμέτης] ἔλαβε τὸν Καφάν, τοὺς Θεοδώρους, τὴν Γοτθίαν καὶ πᾶσαν τὴν περὶ χωρὸν ἄνευ πολέμου τινός, καὶ ἔφερεν αὐτοὺς σουργουνίδας [παροίκους]. Historia politica et patriarchica Constantinopoleos, p. 45. Bonnae, 1849.

³ В. Д. Смирнов. Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII в., стр. 307. П., 1887.

Греки жили преимущественно в югозападной прибрежной части Крыма, на территории бывших византийских областей-епархий Сугдейской, Фульсской, Готской и Херсонской, в городах Кафе, Эски-Крыме, Судаке, Бахчисарае, Мангупе, Ямболе или Балаклаве, Херсоне, Инкермане, а равно в Ялте, Гурзуфе, Алуште. Больше же всего греки обитали в многочисленных селах, раскинутых как по всему юго-западному побережью Крыма, так и на ровных степных пространствах внутри указанных областей, а также близ отрогов гор на границе между Сугдейской и Фульсской областями и на юге Готии (Яйлы). Греческое население городов занималось преимущественно торговлей, центром которой служила Кафа, куда, по сообщению от 1578 г., торговые корабли плыли с греческих островов ближайших и дальних (из Архипелага и Средиземного моря), а чаще всего из Константинополя, совершая путь, при попутном ветре, в два дня или несколько более.¹ В селах греки занимались земледелием, скотоводством и садоводством. Немногие из них жили на собственных землях и составляли свободные крестьянские общины, большинство же сидело на землях тимариотов или феодалов из турецко-татарской знати и чиновничества и возделывало поля и работало на положении невольников. Крымские поля отличались большим плодородием и давали обильный урожай, а «бесконечные сады и виноградники» тянулись почти по всему юго-западному краю полуострова. Рыболовство и охота также были обычным занятием греков. Вся юго-западная часть полуострова и в конце XVI в. была еще обвеева эллинским духом: всюду были развалины греческих городов и разных общественных сооружений, встречались многочисленные надписи на греческом языке, раздавалась живая разговорная греческая речь, соблюдались старые обычаи, поддерживалась непосредственная экономическая и бытовая связь с греками Константинополя и островов Архипелага.² Но «гордые, несогласные и мятежные греки» продолжали держаться обособленно от других народностей Крыма, хранили свою самобытность и язык и нелегко подчинялись культурному воздействию окружающей турецко-мусульманской среды. Это обуславливалось различными причинами.

Прежде всего, социально-экономические и политические условия в положении греков создавали их изолированность и обособленность от массового татарского населения. В гражданско-политическом отношении греки, как покоренные силою оружия, не имели никаких прав в мусульманском государстве, были обречены, по приговору мусульманских законов,

¹ Мартин Броневский. Описание Крыма. Записки Одесск. общ. ист. и древн., т. VI, стр. 348.

² Мартин Броневский. Там же, стр. 340, 343, 346, 347, 351 и др.

на всегдашнее рабство, обязаны были платить харач или поголовную подать за право существования на мусульманской земле, нести натуральную «повинность крови» или «дань сыновьями» (*φάρος τοῦ αἵματος, παιδομάζωμα*) для пополнения султанской гвардии янычар, платить повышенные налоги — таможенный, промысловый, судебные и другие, и вообще были для турецко-татарского правительства Крыма, как и повсюду в Турецкой империи, лишь райей, обязанной всецелым повиновением и подчинением. Особенно тягостны были социально-экономические условия для феодального греческого крестьянства, которое занималось земледелием и скотоводством. Земельно-пастушеский быт греков-крестьян был обставлен различными податями и налогами, как законными, взимающимися на основании мусульманского закона — корана и шери, так и государственными, установленными государственной властью Крыма по свободному ее выбору и решению. К законным податям относилась, кроме харача, десятина, т. е. поземельная подать, взимаемая с полей и состоявшая в сборе определенного процента с годового урожая. Десятина («ашар») по закону должна была взиматься в размере только одной десятой части с годового урожая каждого крестьянского хозяйства, но фактически она весьма нередко превосходила установленную норму и обнимала от одной восьмой до половины всего годового урожая в хозяйствах крестьян-греков. К тому же турецко-татарское правительство Крыма обыкновенно отдавало с торгов сбор десятины на откуп, а откупщики жестоко притесняли плательщиков налога. И вообще, система ильтизама широко применялась в Крыму и распространялась на соляной промысел и питейное дело, на рыбные ловли, сбор винограда и фруктов, на табак и лен, на пчел, рогатый скот и овец, на земляное мыло и изготовление свечей, а в городах еще на харчевни и кофейни, на таможенный сбор и на все вообще пошлинные налоги по торговле и промыслам.¹ Трудящиеся народные массы, без различия национальностей, были совершенно опутаны сетью откупных поборов, которые подрывали их экономическое положение, и стонали под бременем насилий и произвола со стороны агентов ильтизама. Нередко возникали на почве классовой борьбы народные восстания, которые еще более укрепляли разделение между греческим народом и турецко-татарским правительством Крыма.

Что касается государственных податей, взимающихся с рабоче-крестьянского населения в Турции вообще и в Крыму в частности, то они были

¹ Ф. Лашков. Камеральное описание Крыма 1784 г. Изв. Таврич. уч. арх. комиссии, № 2, стр. 27—30, № 3, стр. 46 и сл. Симферополь, 1889.

и многочисленны, и разнообразны и состояли в дополнительных земельных налогах и пошлинах, в налогах за пастбища для скота, за зимнюю и летнюю стоянки («зимовка» и «летовка») стад скота в определенных местах, за стойла или загоны для крупного и мелкого скота, за пчел, мельницы, ремесла... Так как греки Крыма интенсивно культивировали занятия скотоводством, то государственные подати по этой хозяйственной отрасли взимались с них в больших размерах. Греческое же крестьянство, занимавшееся земледелием, уплачивало еще громадный фуражный налог сеном и ячменем для правительственной кавалерии, несло ямскую повинность, снабжало пшеницей, овсом, ячменем и всяким фуражем войска во время весьма частых военных операций и карательных выступлений крымского правительства.¹

К этим невзгодам греческого населения Крыма нужно прибавить и то, что оно фактически было лишено строгого покровительства законов: грек-крестьянин и на суде не находил необходимой защиты и помощи. Почин в притеснении греков нередко исходил и от татарских ханов.² Насколько безотраднo было вообще социально-экономическое положение греческого крестьянства в пределах Крымского ханства, — об этом хорошо свидетельствует народная поэзия, и до настоящего времени сохранившаяся в живом предании потомства, живущего в селах Мариупольщины и Сталинщины. Песню крымских греков нельзя и назвать песнью: это, — по характеристике одного местного исследователя Ф. А. Хартахая, — «вой беззащитного народа, безыскусственное описание возмутительных сцен и уныния — с замогильным голосом».³ Вот один из памятников этого рода, свидетельствующий о «дани сыновьями» у греков Крыма в эпоху турецко-татарского владычества.⁴

Что вы сидите, дети архонтов?⁵

Что смотрите и ждете?

¹ Мартин Броневский. Описание Крыма, стр. 357, 358, 361, 363; Ф. Лашков. Исторический очерк крымско-татарского землевладения, стр. 119—120. Симферополь, 1897; он же. Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения, стр. 24, 58, 62, 63, и др. Симферополь, 1897. Для характеристики социально-экономического положения греков в Крыму имеют значение наши статьи: «Земельные отношения в Турции до танзимата» (журн. «Новый Восток», 1924, № 6, стр. 93—112); «Земельное податное обложение в Турции до танзимата» (там же, 1925, № 8—9, стр. 82—94) и «Быт крестьян в дореформенной Турции» (там же, 1926, № 13—14, стр. 58—70). См. также: Ф. Лашков. Сельская община в Крымском ханстве, стр. 5 и др. Симферополь, 1887.

² Н. Мурзакевич. Донесение российского резидента при крымском хане Никифорова о низложении Крым-Гирея, от 1764 г. Записки Одесск. общ. ист. и древн., I, 347.

³ Ф. Хартахай. Христианство в Крыму, стр. 49. Симферополь, 1864.

⁴ «*Παιδομάζωμα* — сбор сыновей» был уничтожен султаном Мурадом IV (1627—1640 гг.), но фактически существовал и в последующее время.

⁵ Архонты — зажиточные греки.

Дракон пришел в округ
 И собирает мальчиков.
 Дракон этот есть Буюк-паша,
 Страшный мусульманин.
 Он имеет важный фирман
 С печатью...
 Приказывает и собирает,
 Собирает детей архонтов...
     Сорок мальчиков он собрал.
     Такое зло сделал нам,
     Сделал Ассан-мирза.
     Теперь он радуется и погуливает,
     Чтобы собрать еще сорок.
     Сорок (мальчиков) взяли,
     Отправили на корабль,
     Чтобы отвезти их в Город,¹
     Чтобы там их потурчить.
     Сорок матушек-матерей
     Плачут и причитают
     И не могут остановиться,
     Плачут и детушки.
     И когда корабль тронулся и пошел,
     Тридцать матерей удушились
     И десять зарезались.²

Особенно безотраднa и тяжела была доля девушки-гречанки из бедняцкой среды. Над нею, вследствие экономического гнета, висел жестокий обычай купли и продажи, как и теперь поется в одной песне мариупольских греков.

Моя мать-вдова голодала
 И вывела продавать меня.
     В семи городах мы побывали,
     В восемнадцати магазинах.
 Никто, никто не спросил обо мне,
 Никто и слова не промолвил.

Но вот, — продолжает петь девушка, — явился молодой и красивый «горожанин» и дал денег без счету, взял ее за руку, спустился к морю и сел на корабль. Когда он хотел обнять девушку, корабль закачался, когда пытался поцеловать, корабль двинулся.

«Стой, стой, красавец!
 Давай расспросим друг друга!»

¹ Разумеется Константинополь.

² Ф. Харгахай. Христианство в Крыму, стр. 52—53 (здесь песня напечатана в греческом тексте, но русским шрифтом).

И когда друг друга расспросили, оказались родными братом и сестрой. Они взялись за руки и пошли к матери.¹

Из других греческих памятников известно, что даже в XVIII в. греки Крыма подвергались насильственной исламизации и различным притеснениям со стороны турецко-татарского правительства.² Ясно, что социально-экономический гнет вызывал лишь фактическую оторванность греков от татар, обособлял их от господствующей массы населения и, в частности, являлся одним из актуальных стимулов для сохранения родного языка, как фактора в развертывавшейся классовой борьбе. К тому же духовная культура крымских татар XVI—XVIII вв. была по существу несродна с византийско-греческой культурой,³ развивалась своим путем и была неспособна привлечь греков в сферу своего недостаточно интенсивного воздействия.⁴

Другим фактором, содействовавшим сохранению среди греческого населения Крыма родного греческого языка и остатков старой эллинской культуры, был тот правовой административно-общественный уклад, который здесь утвердился с конца XV в. и оставался без существенного изменения до переселения греков из Крыма в пределы нынешнего Мариупольского округа. Дело в том, что политическое положение греков под двойственной властью татар и турок не устранило общественно-бытовой их зависимости от константинопольской патриархии. Напротив, турецко-татарское господство побуждало греков Крыма более пристально обращать свой взор к центру эллинизма, сохранившемуся в Константинополе, и искать здесь защиты от притеснений мусульман и руководства в организации народно-общественной жизни. В *Notitia episcopatum* Константинопольского патриархата от второй половины XV в. в числе митрополий, подчиненных вселенскому престолу, указаны на 65-м месте митрополия Готфии и на 66-м

¹ Из нашего рукописного собрания песен и сказок греков Мариупольского и Сталинского округов. Греческий текст песни печатается особо.

² М. Παράνικας. Σχέδιασμα περί τῆς ἐν τῷ Ἑλληνικῷ ἔθνεϊ καταστάσεως τῶν γραμμάτων, с. 181—182. Κωνσταντινούπολις, 1867; Ή. Κυριακίδης. Ἱστορία τῆς παρὰ τὴν Τραπεζοῦντα μονῆς τῆς Σουμμελά, с. 149. Ἀθήναι, 1898.

³ Своего расцвета крымско-татарская культура, особенно материальная, достигла в XIII—XV вв., а потом начался ее упадок, в связи с общим неустройством дел в Крымском ханстве. См. А. Башкиров и У. Боданинский. Памятники крымско-татарской старины. Новый Восток, 1925, № 8—9, стр. 295—311; И. Н. Бороздин. Солхат. Новый Восток, 1926, № 13—14, стр. 271 и сл., где указана и новейшая литература вопроса; он же. Новые данные по золотоордынской культуре в Крыму, стр. 20. М., 1927; В. Д. Смирнов. Крымское ханство, стр. 711—718.

⁴ А. Маркевич. Императрица Екатерина II и Крым. Изв. Таврич. уч. комиссии, 1897, № 29, стр. 25—27; Ф. Лашков. Исторический очерк крымско-татарского землевладения, стр. 20—22.

митрополия Кафы.¹ Каждый из митрополитов имел титул «пречестного — ὑπέρτιμος». Что касается Сугдеи и Фулл с относящимися к ним 10 селами, то они потеряли самостоятельное административное значение и принадлежали к митрополии то Готфии, то Кафы.² В августе 1618 г. для митрополии Кафы и Фулл в Константинополе был избран новый архиерей Геннадий.³ Патриарх Парфений IV между 1665—1667 гг. присоединил митрополию Кафы и Фулл к митрополии Амасии в Малой Азии и образовал из них одну епархию под управлением Амасийского митрополита.⁴ Но такое объединение продолжалось недолго. В июле 1678 г. константинопольский патриарх Дионисий IV выделил Кафу с Фуллами из состава Амасийской епархии, присоединил Кафу к Готфии и образовал из них одну митрополию с подчинением ее по прежнему юрисдикции вселенского патриархата.⁵ В Notitia episcopatum Константинопольского патриархата от 1710 г. на 55-м месте указана митрополия Готфии и Кафы, с титулом «пречестный — ὑπέρτιμος» для местного митрополита.⁶ Известны и имена митрополитов этой области и других деятелей, греков по национальности, которые присылались в Крым из Константинополя по распоряжению вселенской патриархии для управления и устройства народно-общественных дел местного греческого населения,⁷ применительно к общему правовому строю, установленному в греческих общинах в пределах Турции.

Известно, что султан Магомет II дал греческому народу в пределах Турции автономное управление. Во главе греческих общин находился константинопольский патриарх, имевший высшую власть не только духовную, но и гражданскую — в области администрации, суда, народного образования, общественной благотворительности и всего внутреннего строя в городских и сельских греческих общинах обширного вселенского патриархата. Как этнарх (ἑθνάρχης) греков, патриарх разделял свои разнообразные полномочия с провинциальными архиереями, имевшими в своих

¹ Ἐπαρχιακά ἐ. Κωνσταντινουπόλεως, σ. 211, Л., 1915.

² Α. Ραπαδόπουλος-Κεραμεύς. Documents patriarchaux. Труды VI Археол. съезда в Одессе, т. II, стр. 178, 179. Одесса, 1888. К сожалению, в документе не указаны названия десяти сел в пределах Сугдеи и Фулл или Σουγδαίφουλλα.

³ Α. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Ἱεροσολυμιτικὴ Βιβλιοθήκη, т. IV, σ. 9—10. П., 1899. Ср. Νέος Ἑλληνομνημῶν, 1907 (IV), σ. 200 (в 1651 г. митрополитом Кафы и Фулл был Кирилл, который в указанное время находился в Константинополе и принимал участие в центральном церковном управлении).

⁴ Α. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. I. Β., IV, 380.

⁵ Μ. Γεδών. Πατριαρχικοί πίνακες, σ. 601, Κ-πολις, 1884.

⁶ Ἐπαρχιακά κтл., σ. 241.

⁷ Ф. Хартахай. Христианство в Крыму, стр. 36; Арсений Иващенко. Летопись церк. событий, стр. 668. Л., 1899; Ю. Кулаковский. Прошлое Тавриды², стр. 131. Киев, 1914.

епархиях такие же духовно-гражданские права, какие принадлежали патриарху в отношении всего греческого народа в Константинопольском патриархате. Все права и обязанности епархиальных архиереев подробно регламентировались султанскими бератами, которые выдавались Портою каждому из них при назначении на должность. Султанские бераты получались и греческими архиереями Крыма, полагались в основу всей их деятельности и являлись руководящим началом правового положения местного греческого населения. Сохранился бераг митрополита Готфии и Кафы Гедеона (1725 — 1769 гг.), проливающий свет на правовые условия жизни и быта греков в Крыму.

Община греков обнимала города Кафу, Манкуп, Балаклаву, Судак и Азов с прилегающими к ним местностями и селами. Во главе общины был поставлен митрополит Гедеон, который являлся не только духовным ее начальником, но и гражданским представителем греческого народа перед государственной властью, ответственным за исполнение греками обязанностей верноподданничества. Митрополит управлял общиной автономно, без всякого вмешательства со стороны гражданской турецко-татарской власти. Он был свободен от податей и повинностей всякого рода. Задержание митрополита и суд над ним могли совершаться лишь при участии константинопольского патриарха. При митрополите находились особые учреждения для администрации и суда в пределах всей греческой общины Крыма. В суде рассматривались брачные и семейные дела греков, а равно и другие гражданские тяжбы, когда обе стороны обращались к этому суду. Митрополит утверждал завещания греков и этим сообщал им законную силу, судил, при помощи своего суда, споры и тяжбы их по завещаниям и относительно наследства, причем исполнение судебных решений принадлежало органам гражданской власти. Митрополит стоял во главе всего школьно-учебного дела у греков, давал разрешение на устройство греческих школ в городах и селах и содействовал восстановлению старых и открытию новых греческих школ, рассматривал и утверждал их программы и являлся ответственным перед правительством за направление всего обучения в греческих школах и воспитания. Митрополит утверждал избранных народом ефоров и попечителей школ, контролировал дипломы и свидетельства учителей и учительниц и утверждал их в должности, причем правительство не могло увольнять их без предварительного сношения с митрополитом. В митрополии священники приносили и присягу, когда это требовалось гражданским судом. Митрополия, церкви и монастыри пользовались правами собственности. Члены греческой общины всякого положения и состояния имели

право делать завещания в пользу общественных своих учреждений. Общественная благотворительность греков также находилась в ведении митрополита. Богослужение должно было беспрепятственно совершаться на родном греческом языке.

Являясь начальником всей греческой общины в гражданском отношении, митрополит имел своими помощниками и сотрудниками в управлении и суде выборных представителей народа. Каждый город, каждое село или деревня имели свою общественную власть, избранную местным греческим населением. Представители общинной власти назывались димогеронтами, иначе — проестосами, а по-турецки — коджабаши. Обыкновенно, народные старшины избирались в числе 12 человек сроком на один год и составляли особый совет, с избранным из их среды председателем. Димогеронты были попечителями своей общины и руководителями в народных делах. Они решали споры, возникавшие между жителями того или иного села, наблюдали за санитарным состоянием местности, управляли общественным имуществом, распределяли между населением назначенные на всю общину подати в пользу правительства, применяясь к имущественному состоянию каждого, принимали наследства, завещанные греками общине, опекали сирот, наблюдали за греческими школами и благотворительными учреждениями, заключали договоры с учителями, являлись посредниками между правительством и народом по общественным делам. Составляя постоянный народный совет, димогеронты по более важным и ответственным делам устраивали общие собрания жителей села. Роль димогеронтов упрощалась в тех селах и деревнях Крыма, где население было исключительно греческое. В городах же и селах со смешанным населением власть димогеронтов разделялась между греками и татарами, соответственно числу населения каждой народности. В этих общинах уже не было единства в деятельности коджабаши и димогеронтов, а наблюдались разлад и вражда.¹

Административно-общественный строй, закрепленный султанскими бератами и другими правительственными актами, создавал сплоченность греческого населения в Крыму, обеспечивал организованность и устойчивость бытовых отношений, привязанность к приобретениям и достижениям греческой культуры и, в частности, к родному языку. Центр управления и суда сносился с народом при помощи греческого языка, который признавался и был официальным языком. На греческом языке

¹ Ф. Хартахай. Христианство в Крыму, стр. 37 — 42; В. Кондараки. История христианства в Тавриде, стр. 21 — 26. Одесса, 1871; А. Арсений. Готская епархия в Крыму ЖМНП, 1873, ч. 165, стр. 75 — 80.

писались и издавались окружные послания и грамоты, составлялись судебные акты и решения, велись хозяйственные и деловые записи. Греческий язык служил органом сношений димогеронтов и других народных избранников с греческим населением сел и городов. Он был и живым разговорным языком народа. На греческом языке, несомненно, происходило и преподавание в немногочисленных городских и сельских школах греков, которые учреждались по почину и существовали на иждивении самого народа. Этот же язык был и главным предметом обучения в немногосложном курсе греческих народных школ.¹

Но административно-общественный строй, регламентированный в султанских бератах и фирманах, фактически был далек от реальной жизни и быта греков в Крыму. Народное предание, сохранившееся в записях потомков, народные песни и сказки, не исчезнувшие из памяти греков и до настоящего времени, исторические аналогии, иллюстрирующие фактическое положение греков Крыма и соседней Малой Азии, свидетельствуют, что многочисленные правовые предписания, исходившие от представителей турецко-татарской власти, нисколько не препятствовали чиновникам разного ранга подвергать греков резким ограничениям в области автономии, попираť их культурные запросы и стремления, ограничивать и в пользовании родным языком. Особенно тяжело было положение греческих трудящихся масс в тех селах и деревнях, где они жили совместно с татарами и являлись национальным меньшинством. Здесь наблюдался полный упадок греческой культуры, выразившийся и в том, что греки оставляли и забывали родной язык и говорили на языке татарском. В этом отчасти повинны были и сами греки, в лице своих димогеронтов или коджабаши.

Дело в том, что коджабаши выбирались преимущественно из зажиточных греков. Это были «архонты» среди бедняцких греческих масс, т. е. экономически сильные и влиятельные люди, «кулаки» в крестьянской греческой общине. Это были мелкие феодалы, стянувшие, путем засилья и произвола, земельные крестьянские участки в пределы своих недвижимых владений. Опираясь на власть, которую коджабаши приобретали по силе султанского берата, данного местному греческому архиерею, они вместе с духовенством эксплуатировали трудящиеся греческие массы. Находясь в контакте с турецкими чиновниками, коджабаши нередко были более опасными вредителями экономического благосостояния греческих крестьян и рабочих, чем татары и турки. Во многих греческих общинах право трудящихся

¹ М. Παράντας. Σχεδίασμα κτλ., σ. 181.

избирать своих димогеронтов или коджабаши было фактически аннулировано: народное представительство, вверившееся коджабаши, становилось достоянием определенных архонтских или феодальных семейств, переходило по наследству от отца к сыну и тиранически удерживалось немногими лицами в течение десятков лет. Вместе с тем постепенно возрастало и обогащение архонтских фамилий за счет трудящихся, так как в распоряжении коджабаши были разнообразные налоги и повинности, которые они произвольно распределяли по городам и селам. Представителей же турецко-татарской власти коджабаши подкупали подарками. Греческие крестьяне весьма много страдали от внутренних своих врагов — в лице коджабаши, самое наименование которых сделалось в сознании трудящихся масс синонимом насилия и тирании. В классовой борьбе коджабаши-греки объединялись с турецко-татарскими тимариотами и единым фронтом выступали против греческой бедноты. Разделяя классовую идеологию турецко-татарских феодалов, они намеренно отказывались и от греческого языка. Под их именно влиянием и народные греческие массы вынуждались отрекаться от языкового наследия предков.

Греческие народные массы много страдали и от своих митрополитов. По силе султанских бератов, митрополиты собирали с народа особые налоги и поборы — за совершение служб, за водоосвящение, браки, погребение и т. д. Эти поборы взыскивались как деньгами, так и натурой — вином, маслом, медом, фруктами и пр. Ежегодно из митрополии в Кафе по Крыму рассылались особо назначенные митрополитом лица, которые при содействии татарских властей и производили сбор с греческих крестьян и рабочих специальных оброков, а потом привозили все собранные продукты в митрополию, при чем эти продукты освобождались от всяких транзитных пошлин. Между митрополитом и его чиновниками — с одной стороны и греческими трудящимися массами — с другой нередко происходили столкновения и споры на почве исчисления и способа взимания налогов, вызывавшие вмешательство гражданских властей. Показательным в этом отношении документом является фирман турецкого султана Магомета IV, данный в 1652 г. крымскому митрополиту Давиду, который в особом прошении жаловался султану на уклонение греков Крыма от уплаты ему пошлин (ресимов) за религиозные обряды. Султан предписал кадиям Карасубазара, Балаклавы и Гёзлеве (Евпатории), чтобы они помогали митрополиту «требовать, собирать, получать и принимать» ежегодные ресимы с живущих в пределах греческой митрополии попов, монахов и других зиммиев, т. е. платящих харач христиан, в частности — деньги на благотворительные

дела, ресим за панаиры (храмовые праздники), браки, за агиазмы (священные источники) и монастыри, часть из наследства умерших попов и монахов, назначенную в пользу митрополии, и «другие митрополичьи доходы».¹ Проповоль и насилия состороны митрополитов и митрополичьих чиновников лишь обостряли классовую борьбу в среде греческого населения Крыма, отрывали народные массы от центров эллинизма и создавали их изолированность в области греческой культуры. Лишь собственными героическими усилиями трудящиеся Крыма защищали национальное достояние — родной язык и ограждали его от разрушительных посягательств со стороны классовых своих врагов.

Наконец, сохранению греческой культуры и родного языка среди греков Крыма содействовали разнообразные их сношения с зарубежным греческим миром, рассеявшимся в пределах Турции. Видную роль в этом отношении имели торговые связи крымских греков с зарубежными соплеменниками. Крым еще в византийскую эпоху вел крупную внешнюю торговлю. В турецко-татарский период торговля Крыма сосредоточивалась преимущественно в руках греков. И в Турции греки в XVII—XVIII вв. вели большую торговлю, преимущественно в Константинополе, на островах Архипелага, в Смирне, Трапезунте и по всему Анатолийскому побережью Черного моря. Торговый греческий флот крейсировал по морям Средиземному, Эгейскому и Черному и повсюду транспортировал разнообразные товары греческого и иностранного производства. Крупным пунктом сбыта этих товаров было югозападное побережье Крыма с его греческим населением, откуда греческие товары распространялись по всему полуострову и транспортировались на север — в пределы России. Греческая торговая продукция в Турции была обильна и разнообразна, особенно в XVIII в., когда новогреческий феодализм стал распадаться и постепенно уступал место молодой греческой буржуазии. Тогда же торговля и мореплавание у греков Турции достигли большого развития, ремесла усовершенствовались в техническом отношении, и производство сделало громадные успехи. Из Македонии и Восточной Румелии чрез порт Фессалоники в Крым вывозились хлопок и табак, из Фессалии шерсть и шерстяные изделия (халаты и плащи), с острова Хиоса, из греческих сел Пелопонниса и Энира транспортировались шелковые изделия (платки, материи, шарфы), из Аттики вывозилось оливковое масло, из рудников Халкидикийского полуострова серебро, из Ампелажий в Фессалии вата, преимущественно крашеная, с островов Архипелага

¹ Мурат Бей Биарсланов. Фирман Магомета IV крымскому митрополиту Давилу и пр. Изв. Таврич. уч. арх. комиссии, № 7, стр. 81, 82. Симферополь, 1889.

вино; из Трапезунта и городов Анатолийского побережья привозились восточные товары — шелк и мануфактура, драгоценные вещи, а также фрукты, орехи, вина, сладости и т. д. Греческие купцы, крупные и мелкие, капитаны и собственники кораблей, греческие матросы из различных областей Турции находились в постоянном общении с греческим населением Крыма и вместе со своими товарами распространяли среди него свои говоры, знакомили с новыми достижениями в области димотического греческого языка, пропагандировали родную речь. В свою очередь, греки Крыма принимали активное участие в международной торговле и находились в устойчивых экономических сношениях с зарубежными соотечественниками. Из Крыма в Турцию вывозились — меха, мед, воск, кожи, хлеб, соль, рыба, икра. Особый предмет крымской торговли составляли рабы, которые вывозились татарами на рынки Константинополя и Александрии. Наиболее интенсивные торговые сношения у греков Крыма были с греками Анатолийского побережья — городов Трапезунта, Керасунта, Синопа, Орду и больших сел, как Сурмена, Кромна, Санта и др.¹ Торговое общение с греками Понта наиболее глубоко влияло на димотическую речь крымских греков, которая постепенно изменялась в сторону отдельных говоров богатого Понтийского диалекта, проникалась элементами этого диалекта и приобретала органическое с ним сродство. Другое языковое влияние на греческой территории Крыма шло из Константинополя, откуда греческие торговые суда весьма быстро достигали, при благоприятном ветре, портов Крыма и вместе с товарами транспортировали живую эллинскую речь, распространявшуюся константинопольскими моряками среди местного греческого населения. Таким же путем греческое население Крыма входило в языковое общение с греками многих островов Архипелага и даже с греческим населением далекого Эпира.

В XVIII в. торговые дела крымских греков расширились, главным образом, в связи с ростом греческой торговли на Украине. В это время крупную торговлю как на Украине, так и с заграницей развил город Нежин, населенный преимущественно греками, которые были наделены различными льготами в торговых делах и пользовались привилегиями в административно-судебном отношении.² Греки Крыма также примкнули к торговому движению, созданному греками Нежина, и вошли с ними в постоянные коммер-

¹ Τριανταφυλλίδης. Οἱ φυγάδες, δράμα εἰς μέρη πέντε μετὰ μακρῶν προλεγομένων περ Πόντου, σ. 31—33 κтл. Ἀθήναι 1870; Γ. Κορδάτος. Νεοελληνική πολιτική ἱστορία, т. А', σ. 121 κтл. Ἀθήναι, 1925; Ἀ. Παπαδόπουλος. Ὁ Πόντος διὰ τῶν αἰώνων, σ. 19. Ἀθήναι, 1928.

² К. Харлампович. Нариси з історії грецької колонії в Ніжені (XVI—XVIII ст.). Записки історично-філологічного відділу ВАН, кн. XXIV, 1929, стр. 120 и сл.

ческие, равно и вообще в культурные отношения.¹ А так как греческое население Нежина, состоявшее из выходцев из различных греческих областей Турции, пользовалось в торгово-жителском своем обиходе родным языком, имело свои школы с преподаванием на димотическом греческом языке, организовало особое греческое братство для упорядочения всей своей внутренней жизни и поддерживало постоянные культурно-общественные сношения с зарубежным греческим миром, вплоть до далекого Эпира, то и общение крымских греков с Нежином, продолжавшееся свыше столетия, благоприятным образом отразилось на культурном их самосознании и содействовало сохранению родного языка в более или менее близком к общедимотическому языку оформлении.

Затем, греки Крыма находились в постоянном культурном общении с Константинополем, как центром эллинизма, Трапезунтом, где интересы эллинизма никогда не иссякали в своей жизненности и силе, и многими другими анатолийскими городами и большими греческими селами, известными по своей более совершенной организации общин, ремесленных корпораций и общественных учреждений, особенно народных школ.² Сельские школы греков Крыма обслуживались учителями преимущественно из малоазийского Понта. Проникнутые началами эллинизма, эти учителя оживляли и поддерживали народно-общественные интересы греков Крыма и содействовали сохранению эллинских устоев жизни и быта, в частности в области родного языка. Так, около 1770 г. в Кафе находились два учителя — Давид и Никифор, оба из Трапезунта, имевшие большое влияние на местную греческую общественность.³ Постоянный приток общественных работников в Крым был и из Константинополя, причем они неизменно снабжались из центра инструкцией хранить родной язык и создавать благоприятную для его развития обстановку среди трудящихся греческих масс.

Иногда общение крымских греков с эллинским миром выходило за пределы Константинополя и городов по южному черноморскому побережью. Так, известны греческие документы от мая 1715 г. и от 1726 г., свидетельствующие о сношениях греческого населения Готфии и Кафы с далеким Иерусалимом, происходивших при посредстве Константинополя.⁴ Следы этого единения получили и иное отражение. В Иерусалимской патриаршей

¹ М. Плохинский. Иноземцы в старой Малороссии. Тр. XII Археол. съезда, т. II, стр. 186, 187 и др. М., 1905.

² Е. Κυριακίδης. Ἱστορία τῆς παρὰ τὴν Τραπεζοῦντα μονῆς τῆς Σουμελά, σ. 140, 149, 152, 154.

³ М. Παράνικας. Σχεδιάσμα κτλ, σ. 180, 181.

⁴ Καλλίνικος Δελιχάνης. Ἐπίσημα ἔγγραφα, т. II, σ. 484, 489. К. 1904.

библиотеке под № 428 хранится греческая рукопись Νομοκάνων πάνυ πλουσιώτατος с следующей припиской: «Настоящая книга написана рукою моею — Лаврентия, иеромонаха из Парамифии в 1665 г., в месяце июне, 25 дня, в городе Кафе, а принадлежит иеромонаху Иллариону из Янины, Синаиту».¹ Таким образом, города Парамифия и Янина в Эпире, Синай и Иерусалим с одной стороны, и Кафа в Крыму с другой — вот пункты культурного общения греков. В той же библиотеке под № 31 находится греческое четвероевангелие XI в., переплетенное в России в XVI в., с припиской иерусалимского патриарха Досифея такого содержания: «1683 г. в Константинополе. Принес настоящую книгу из Таврониса, именно из Кафы, иеромонах Арсений с острова Наксоса и посвятил святому гробу».² Кроме того, греческому народу хорошо был известен храм Богородицы Кафатианской (τῶν Καφατιανῶν) в Галате, в Константинополе, напоминавший грекам Турции об их единоплеменниках в Крыму и свидетельствовавший об их национальном взаимодействии.³

Были и массовые выселения греков в Крым из различных областей Турецкой империи. Так, после завоевания султаном Магометом II Трапезунтского греческого царства многие семейства греков, спасаясь от турок, переселились в Крым и навсегда здесь осели, объединившись с коренными его жителями от византийских времен; особенно много выселилось из города Керасунта, который совершенно опустел.⁴ И в последующее время из малоазийского Понта происходили выселения греков в пределы Крымского ханства, вызывавшиеся тяжелым экономическим положением греческого крестьянства под гнетом турецких феодалов и внутренними смутами в этой области. Так было при султанах Мураде IV (в 1625 г.), Магомете IV (в половине XVII в.).⁵ Особое оживление среди греческого населения Турции было вызвано русской морской экспедицией в Архипелаг, совершенной под начальством гр. Орлова во время Русско-турецкой войны 1768—1774 гг. Целью экспедиции было «учинить туркам диверсию в чувствительном месте» и поднять восстание греков против турецкого правительства. В русской экспедиции приняли участие и греки с различных островов Архипелага и оказали выдающиеся подвиги в сражениях с турками. По заключении

¹ Α. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Ἱεροσολυμιτικὴ Βιβλιοθήκη, т. II, σ. 544. Π., 1894.

² Ibid., т. I, σ. 104, Π., 1891.

³ Α. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Ἑλληνικὰ κείμενα χρήσιμα τῇ ἱστορίᾳ τῆς Ῥωμουνίας, σ. 279—281, 285. Ἐν Βουκουρεστίῳ 1909; он же. Ἱεροσολυμιτικὴ Βιβλιοθήκη, IV, 383.

⁴ I. Fallmerayer. Fragmente aus dem Orient, B. I, S. 211, 212. Stuttgart, 1845.

⁵ Τρ. Εὐαγγελίδης. Ἱστορία τῆς Ὀθωμανικῆς αὐτοκρατορίας, σ. 357, 448, 464. Ἀθήναι 1894; Α. Παπαδόπουλος. Ὁ Πόντος διὰ τῶν αἰῶνων, σ. 83.

Кучук-Кайнарджийского трактата между Россией и Турцией (1774 г.), греки, находившиеся на русской службе и принимавшие участие в войне с турками, заявили о своей готовности переселиться в Россию, причем им были даны разные льготы и преимущества. Первое выселение греков с островов Архипелага состоялось в 1775 г. Для их поселения были назначены города Таганрог, Керчь и Еникале. Греки образовали особый пехотный полк, под именем «Албанского», и несли службу русскому правительству. В 1783 г. греческий полк был переведен из Керчи и Еникале в Балаклаву и нес кордонную службу по черноморскому побережью от Севастополя до Феодосии (Кафы). В тот же период с островов Архипелага, при содействии греческого капитана Мавромихали и под покровительством кн. Потемкина, весьма благосклонно относившегося к грекам, переселились в Крым и многие иные греческие семейства, которые, оказавшись в среде своих единоплеменников, занялись хлебопашеством, виноделием и рыбной ловлею.¹ Несомненно, этот приток свежих сил в среду крымских греков имел, наряду с иными последствиями, благоприятное влияние на сохранение и развитие родного языка, восполнив его, в силу естественного общения греков, элементами народной греческой речи, бытовавшей на островах Архипелага. Не говорим уже о переселении в среду греков Крыма отдельных лиц, более или менее влиятельных в греческой общественной среде, целых семейств и небольших групп из состава греческого населения Турции, о которых в греческих исторических памятниках сохранились небольшие заметки или случайные сообщения. Так, в 1777 г. бежал в Крым митрополит Древних Патр в Пелопоннесе, Парфений Иоанниди, известный своим образованием, вместе с другими греческими архиереями и некоторыми зажиточными греками, так как все они, по своим симпатиям к России, навлекли на себя со стороны турецких властей подозрение в политической неблагонадежности.²

Под воздействием указанных исторических факторов греческое население Крыма, в течение трех веков находившееся под двойственным татарско-турецким господством, сохранило свою национальную самостоятельность, духовную культуру и родной язык. Греческая речь непрерывно звучала на территории Крыма от древнего времени и византийской эпохи до середины XVIII в., когда греки выселились в пределы нынешнего Мариупольского

¹ С. Сафонов. Остатки греческих легионов в России или нынешнее население Балаклав. Истор. очерк. Зап. Одесск. общ. ист. и древн., т. I, стр. 205—239; С. Жигарев. Русская политика в восточном вопросе, т. I, стр. 175 и др. М., 1896. Ср. Т. Ю. Теохаріді. Грецька військова колонізація на півдні України і пр., стр. 9 и сл. Од., 1930.

² А. Παλαδόπουλος-Κεραμεύς. Ἑλληνικά κείμενα χωρίσματα τῆ ἱστορίας τῆς Ῥωμανίας, σ. 188.

округа. Греческий язык имел п официальное применение в административно-судебных сношениях греческих общин с представителями местной автономной власти. На нем происходило обучение в народных греческих школах. При помощи языка поддерживалось и разностороннее культурное общение крымских греков с зарубежным греческим миром. На греческом языке распевались греческие народные песни, рассказывались сказки. Нередко из Турции проникали к крымским грекам и книги греческой печати, которые читались ими и закрепляли органическую связь местных говоров с общегреческим литературным и народно-разговорным языком.

Но, конечно, не во всех греческих поселениях язык сохранялся в одинаковой неповрежденности. Вековая оторванность крымских греков от крупных центров эллинизма неизбежно должна была отразиться на его чистоте. Эволюция греческих говоров в Крыму шла своим особым путем. В тех селах и деревнях, где греческое население представляло сплошную массу или было преобладающим, греческий разговорный язык сохранил большую неповрежденность и ближе примыкал к основным разветвлениям общего разговорного языка (*κοινή λαλομένη γλώσσα*), употреблявшегося среди греческого населения Турции. Но там, где греки составляли меньшинство сравнительно с татарским населением, греческий язык терял свою чистоту, засорялся чуждыми ему татарско-турецкими элементами, являлся языком «испорченным». Иногда же греки и совершенно забывали свой родной язык, принимали язык господствующей народности — татарский и являлись пред лицом всего греческого мира «татами», т. е. изменниками.¹

В этом отношении с греками Крыма произошло то же, что наблюдалось и в Малой Азии среди греческого населения областей Амасии, Халдии и Кесарии Каппадокийской, которое в течение веков проживало в сплошном окружении туруков, забыло греческий язык и восприняло язык турецкий, сделавшийся общим разговорным языком.² И в Крыму, и в Малой Азии действовали одинаковые факторы, которые и привели к тождественному результату. То были — социально-экономический гнет со стороны турецко-татарского правительства и чиновничества в отношении греческой бедноты, классовое расслоение греческой деревни, где коджибаши и клирики, объединившись с турецко-татарскими чиновниками и тимариотами, находились на положении феодалов в отношении трудящихся греческих масс, — полное

¹ В. Филоенко. К вопросу о происхождении и значении слова «тат». Изв. Тавр. общ. ист., археол. и этногр., т. II (59-й), стр., 132. Симферополь, 1928.

² Ст. Ἀντωνόπουλος. Μικρὰ Ἀσία, σ. 57—72. Ἀθήναι 1907; К. Παπαμιχαλόπουλος. Περίγησις εἰς τὸν Πόντον, σ. 146. κτλ. Ἀθήναι, 1903.

игнорирование культурных запросов этих масс со стороны привилегированных классов. Но примечательно то, что греки-туркофоны, восприняв внешность, обычаи и даже язык своих классовых врагов, оставались христианами-ортодоксами. И греки Крыма, хотя и были «татами» в отношении родного языка, сохранили веру предков. И те и другие, наравне с греками-эллинофонами, называли себя, как и теперь называют, «рум», т. е. ромэями (ῥωμαῖοι), иначе греками-византийцами. В этом историческом наименовании, в высшей степени характерном для эллинизма, кристаллизовалась идея классовой борьбы, выношенная сознанием трудящихся греческих масс в течение многих веков и засвидетельствованная систематическим социально-экономическим их угнетением.

В середине XVIII в., накануне эмиграции греков из Крыма в пределы Украины, они вполне отчетливо дифференцировались в языковом отношении, а равно обособились и по территориальному своему размещению. Греки, говорившие на эллинском языке, жили преимущественно на территории бывшей Сугдейской области, в округах Кафы и Сугдеи, в селах, расположенных в верховьях рек Индала, Кучук-Карасу и Биюк-Карасу, по отрогам горы Яйлы, равно в селах по всему югозападному побережью вплоть до Ялты, со включением восточной прибрежной части бывшей Готской области. Примечательно, что греки, жившие в городах на этой территории, именно в Феодосии или Кафе, Старом Крыму, Карасубазаре, равно в Судаке, говорили на татарском языке, так как татарское население было в городах преобладающим и подавляло экономически маломощную и малочисленную часть греческого населения. Но в селах, расположенных вдали от татарских центров и за пределами экономического угнетения, греки, составлявшие наибольшую часть населения, говорили на родном языке. Греками-эллинофонами были, в частности, населены следующие села: Чермалык, Айланма, Шелеи, Капсихор, Сартана, Чердаклы, Каракоба, Байсу, Енисала, Еникой, Джемрек, Уйшун, Аргын-Каракоба, Кучук-Узень, Куру-Узень, Улу-Узень, Демерджили или Фуна, Салт-Енисала, Алушта, Биюк-Ламбат, Кучук-Ламбат, Гурзуф, Кизиль-таш, Никита, Магарач, Марсанда, Ялта, Аутка, Стила и др. Эти села или составляли густую сеть греческих поселений, как это было в западной части Сугдейской области, или тянулись по побережью от Судака до Ялты, с захватом немногих крупных (как Салт-Енисала и Стила) сел на западных отрогах Яйлы, по соседству с греческими селами, в которых греки говорили на татарском языке. Греками-татарофонами были населены, в частности, следующие села в пределах бывшей Фульской области, с центром в Бахчисарае: Умаклы, Мангуш,

Бешев, Енисала, Шурю, Бия-Сала, Качи-Кальен; в бывшей Готской области, с центром в Инкермане: Черкес-Кермен, Мармора, Албат, Лака, Улу-Сала, Керменчик, Богатырь; в бывшей Херсонской области, с Балаклавой в центре: Карань, Камара, Алсу, Ласпи и др.¹ Значит, греки-татарофоны жили, главным образом, в югозападном отрезке Крымского полуострова, в Бахчисарайском каймаканстве, в его кадальках Бахчисарайском, Мангупском, Каракуртском и Муфти-Арпалыкском, а равно в Акмечетском каймаканстве, т. е. там, где татарский массив являлся сплошным и господствующим.²

И вот, в то время как часть греческого населения югозападного Крыма приняла язык господствовавшей татарской народности, другая его половина, жившая к востоку от экономически сильного татарского массива, в условиях более благоприятных для классовой борьбы, сохранила родной язык в некоторой неповрежденности и в органическом объединении с общегреческою речью трудящихся масс и в течение веков пользовалась им, как живым разговорным языком. И это национальное греческое меньшинство Крыма, пронесшее светильник родной речи немерцающим среди густого мрака XV—XVIII вв., явилось с драгоценным своим достоянием и на территорию нынешних Мариупольского и Сталинского округов, где греческий язык вступил в новый период своей исторической жизни, в связи с общим социально-экономическим положением всего греческого населения в этом крае.

---

¹ А. Л. Бертъе-Делагард. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде, стр. 7—9. Симферополь, 1920

² Ф. Лашков. Камеральное описание Крыма 1784 г. Изв. Тавр. уч. арх. комиссии, № 7, стр. 32 и сл